

Почему не слышно об инициаторах?

Седьмую печь буквально атаковали. Только начинался день, а уже в будке мастера обязательно находился кто-нибудь из представителей общественных организаций комбината, журналистов, работников других заводов. Всех интересовала жизнь одного из первых в стране коммунистических коллективов. Каждое новшество, каждый шаг встречали чуть ли не под аплодисменты. Сколько за эти дни было подано коллективу печи интересных мыслей и идей! Говорили, отмечали только положительное, а если даже и замечали кое-какие недостатки, то обходили их стороной, промолвив: «Коллектив сильный, сами исправят».

Покажу, никогда еще дни работников седьмой печи не были столь интересными, насыщенными: то лекция по искусству, то культпоход в театр, то встреча с комсомольцами города.

У доменщиков появились последователи, за почетное звание называться агрегатами, бригадами коммунистического труда стали бороться 406 коллективов только на одном нашем комбинате. И здесь тоже постепенно накапливались крупницы опыта, подвигались свои интересные идеи, мероприятия. На собраниях, активах в числе тех, кто добился высокого звания, стали называть вторую доменную печь, бригаду обжимщиков второго блюминга, электродукт коксохимического производства и другие. Такая популяризация молодых коллективов понятна. И все же, где инициаторы? Почему так редко слышен их голос, отчего же не устраиваются сейчас встречи, где работники этого агрегата рассказывали бы о своей жизни, делились и радостями, и трудностями?

Оказывается, причина вот в чем: с некоторых пор на седьмой печи трудностей стало больше, чем побед. Из месяца в месяц здесь не выполнялся план, сказывался некачественно выполненный предыдущий ремонт. Не проходит смены, чтобы не было одной, двух остановок. Все это создает обстановку нервозности, напряженности. Не стало былой дружбы между бригадами — основы залога успешной работы. Никак не выработают единую линию первые горновые.

Все это отразилось и на жизни самих бригад. Одиннадцать человек бросило учебу в школах рабочей молодежи, курсах мастеров. Хуже стало и с технической учебой. Она по-прежнему продолжает-

ся только во второй и третьей бригадах. А в четвертой бригаде решили, видимо, что совершенствование технических знаний ими к чему. Нашлись и такие, кто решил, что выполнение всех заповедей слишком тяжелая обуза. Так машинист вагон-весов т. Трофимов, когда с ним стали разговаривать о том, почему он не думает об учебе, заявил пренебрежительно:

— Чего вы ко мне пристаёте? Что хочу, то и делаю. Когда выработывали обязательства, я не работал, в отпуске был, и обязательства не подписывал.

Жизнь производственного коллектива никогда не бывает сплошным триумфальным шествием. А у нас как-то выработывалось мнение, что если бригада или агрегат добились высокого звания, значит достигли они потолка, не возникает там больше трудностей, конфликтов.

Эти месяцы — настоящее испытание для всех бригад седьмой печи. Правда, скоро намечается переломный момент — печь будет поставлена на капитальный ремонт. Однако эта мера не будет всецельной, если на печи не восстановится прежняя спайка, производственная дружба между бригадами, когда каждый, славя смену, будет беспокоиться о том, а как же пройдет она у следующей бригады.

Совершенно иная картина на первый взгляд в другом коллективе коммунистического труда на доменной печи № 2. Свое слово здесь держат твердо: вместо шести тысяч тонн свержа плана здесь дали двенадцать тонн, сэкономили по тринадцать килограммов кокса на тонну металла. Как будто времени прошло не так много, а у доменщиков второй печи появились свои добрые перемены. Здесь почти не пропускают сейчас ни одной премьеры. Никогда еще в бригадах не наблюдалось такой тяги к театру. Многие начали собирать личные библиотечки.

Однако все это также не говорит, что нет здесь своих тревог, своих неприятностей. Несколько человек оставили школу.

Значит и в этом славном коллективе есть не только плюсы, но и минусы, которые нужно помогать исправлять. А у нас это забыто. Вышли инициаторы соревнования из-под внимания, контроля, хоть, может быть, дружеские советы, поддержка нужны им сейчас не меньше, чем в первые месяцы, когда зарождалось это соревнование.

Заслуженным уважением пользуется в проектно-отделе комбината инженер-конструктор Фаина Бакулшина. Неоднократно имя ее заносилось на Доску почета.

На снимке: Ф. Бакулшина.

Фото Е. Карпова.

Тысяча напущит тут металл

О сроках и заказах

Строители взяли обязательство в июне нынешнего года сдать в эксплуатацию новую мартеновскую печь. Времени до ее пуска осталось не так уж много.

Однако руководителей УКСа комбината этот срок, видимо, не волнует. Отдел главного механика получил от УКСа всего 16 заказов на изготовление нестандартного оборудования, кстати сказать, второстепенного. Это в основном детали печей для нагрева ферросплавов.

До сих пор не выданы заказы на подвески хромомagneзитовых сводов, блокировку печей, на энергетическое оборудование.

Все это не может не привести к штурмовщине, ухудшению качества изготавливаемого оборудова-

ния, перерасходу металла, срыву графика ремонтов действующего оборудования и, наконец, к затяжке строительства мартеновских печей. С таким положением знакомы работники УКСа. Много раз они обещали выдавать заказы своевременно, но обещаний своих не выполняют.

Упрек следует бросить и в адрес руководителей мартеновского цеха № 1. Более месяца назад им для согласования переданы чертежи на газомазутные горелки новых печей. Но какие надо делать горелки до сих пор не известно.

С этими недочетами пора покончить.

С. МИЩЕНКО,
технолог отдела
главного механика.

Качество магнезита низкое

Серьезные задания поставили перед собой сталеплавильщики второго мартеновского цеха. Сложным трудом стараются они выполнять обязательство. Но не все способствует этому. В последнее время участились перебои в снабжении чугуном, что приводит к срыву графика работы, мешает выполнению задания.

Но еще большей помехой является то, что около года мы получаем магнезит не соответствующего качества. Он имеет очень крупную фракцию и плохо приваривается при правке стенки, откосов. Плохо таким магнезитом заправлять и сталевыпускное отверстие.

По этому поводу сигнализировали не раз, обращались в отдел снабжения, заместитель начальника цеха т. Смирнов ездил в Сатку к поставщикам магнезита. Но это ни к чему не привело. Магнезит все также крупный, как и был до сих пор. Чтобы можно пользоваться им, приходится его пересевать. Много времени заняты на этом подручные сталеваров.

Такое качество магнезита не способствует повышению выплавки стали и дирекция комбината должна принимать меры, чтобы устранить этот недочет.

М. АРТАМОНОВ,
старший мастер второго
мартеновского цеха.

Куда вы идете?

— Куда вы идете? Этот частый окрик строителей в районе строительства первого мартеновского цеха к людям, проходящим через строительную площадку. Да и в самом деле, почему ряд товарищей, подвергая себя опасности, проходят в запрещенном месте, иногда по железнодорожному путям или в районе производства строительства и ремонтных работ?

На нашем комбинате основные людские потоки решены правильно. Система расположения проходов решена как в радиальном, так и в веерном направлении по отношению центральной территории завода и цехов. Имеется более 3 километров мостов, галерей, много туннелей и тротуаров. На организацию движения трудящихся на заводе затрачено более 60 миллионов рублей.

Однако отдельные рабочие и даже инженерно-технические работники иногда проходят по опасной производственной зоне. Правда, бывает, что иногда мосты, туннели несвоевременно очищаются. Были случаи, когда в туннелях обжимного цеха появлялась вода, а галереи того же цеха не имели нужной защиты от света. Но эти недочеты легко устранить.

Нужно чтобы начальник цеха благоустройства т. Иванченко и начальник обжимного цеха т. Кудимов усилили надзор за имеющимися проходами. А рабочие и все трудящиеся, проходящие по территории завода, должны проходить только по установленным маршрутам, не подвергая свою жизнь и здоровье опасности.

П. ЕРМАКОВ,
главный технический
инспектор облпрофсовета.

Пусть жжет его общее осуждение

Иван Быков часто появлялся в промтоварном магазине, расположенном напротив кинотеатра имени Горького. Продавцы уже знали его. Он скромненько стоял в стороне, иногда подходил к прилавку, за которым невысокая девушка разговаривала с покупателями, предлагая им ткани самых разнообразных оттенков, советовала, что лучше подобрать для платья. Обычно заведующий магазином обязательно делал замечания молодой продавщице, если какой-нибудь «вдыхатель» без конца стоит у прилавка, делая вид, что его бесконечно интересует креп-жоржет в тюльпанах, или креп-дешин в синих, красных разводах. А на Ивана даже не обращали внимания. Он казался таким серьезным, положительным. Вале не мешал в работе, только изредка, когда рядом не было покупателей, перебирывался с ней словом.

Валю раньше не называли красивой и даже хорошенькой. Но что любовь может сделать с человеком! С тех пор как появился на горизонте Быков, девушку невозможно было узнать. Глаза как будто стали больше, лицо нежнее, одухотвореннее. Пожилые продавщицы уж толковали, что подобрать для свадебного подарка. В том, что Валя с Иваном поженятся, не сомневался никто, да и они сами этого не скрывали.

И вдруг перемена. Ее заметили не сразу, просто бросилось в глаза, что Валя как-то сникла, увяла, какой-то душевный надлом был заметен во всей ее фигуре. Если подруги пытались рассмешить, улыбка чуть возникала в уголках

губ и сразу же затухала. Окружающие разлад между Иваном и Валей расценили по-своему: «Милые ругаются — только тешатся», — рассудили они. Однако все обстояло хуже. Валя должна была стать матерью, а Быков, едва узнав об этом, сразу же забыл про свои нежные чувства, клятвы и обещания.

— Зачем мне такая обуза, — рассуждал он, — обойдусь и так. Буду еще себя пеленками связывать...

Сказано — сделано, больше его не только в магазине, но близко около кинотеатра Горького никто не видел. А за Валю начали серьезно опасаться. Ей, как говорят, и свет был не мил. Обман, оскорбления надломили ее силы. Поэтому работники магазина решили обратиться в листопрокатный цех № 3, где Быков работает слесарем.

— Валю мы знаем как очень скромную, положительную девушку — писали они. — Ничего в ее поведении не замечалось предвсудительного. Поступок Быкова по отношению к ней низкий, предательский. Помогите Вале.

И вот началось время бесконечных длинных уговоров. Секретарь бюро ВЛКСМ В. Комлев то шел к Быкову на участок, то подсаживался к нему за стол в столовой, то отправлялся в интернат. Но если человек не чувствует всей гнусности своего поступка, трудно апеллировать к его совести. Напрасны были все хлопоты, Иван не чувствовал за собой никакой вины.

Не успели забыть эту историю, как снова всплывает еще одна. Главное действующее лицо опять Иван Быков, правда, девушка бы-

ла другая, по странной случайности ее имя было тоже Валя. На этот раз все проходило с некоторыми изменениями. Быков постарался хотя бы для вида создать видимость брака. Он даже ездил с молодой женой в деревню к своей матери, где, правда, в очень завуалированной форме представил ее не то женой, не то невестой, не то просто знакомой. Но сразу же после такого «свадебного путешествия» муж вдруг объявил жене, только они успели сойти с поезда:

— Считаю себя свободным человеком, иду к себе в интернат, а ты отправляйся домой.

Так была исковеркана жизнь еще одной девушки. В цехе, ОТК, где она работала контролером, ее считали замужней, а Валя сама не могла толком объяснить кто она: жена или соломенная вдова. Сколько неприятных дней провела она в тяжелых раздумьях, сколько ночей не смыкала глаз, да что Быкову до нее. С удивительной циничностью, наглостью он сейчас заявляет:

— Была нужда переживать, на мой век дур хватит. Пусть убивается.

Конечно, комсомольцы цеха не могли спокойно слушать разглагования подлеца, морального уroda. Быкова исключили из комсомола. Но молодежи цеха хочется сорвать с него маску «тихого», «скромного» и показать его низменную, скотскую душонку, его грязные мерзостные поступки. Пусть жжет его общее осуждение.

В. ЛОМАНИН,